
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Карт. [illegible]

[Muravʹev, Andreĭ Nikolaevich]

Znakomstvo s russkimi poėtami

ЗНАКОМСТВО

СЪ

РУССКИМИ ПОЭТАМИ.

3 6

КІЕВЪ
Тип. И. и А. Давиденко (арен. С. Кульженко и В. Давиденко),
1871

Хронографъ этотъ написанъ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, Авторомъ: писемъ о богослуженіи и т. д.

Печатать позволяется. Кіевъ 29 Ноября 1871 года.
Цензоръ Протоіерей

М. Богдановъ.

ЗНАКОМСТВО

СЪ

РУССКИМИ ПОЭТАМИ.

ЗНАКОМСТВО СЪ РУССКИМИ ПОЭТАМИ.

Въ нашъ матеріальный вѣкъ, занятый болѣе хозяйственными и политическими вопросами, оскудѣла любовь къ поэзіи, и едва лишь изрѣдка услышишь какой либо гармоническій, задушевный стихъ, который мгновенно оживляетъ мертвенное запустѣніе нашей родной литературы. Но было счастливое время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда все было проникнуто поэтическою жизнію; по всюду раздавались стройные звуки отечественной Музы, и появленіе каждаго юнаго поэта, которые одинъ за другимъ выступали на свое блестящее поприще, составляло какъ бы эпоху въ общественной жизни, еще чуждой тогда, по своимъ патріархальнымъ стремленіямъ, нынѣшнему разгару страстей и волненію умовъ. Съ живымъ участіемъ всѣ обращались къ новому свѣтилу, востекавшему на словесномъ небосклонѣ, и если оно хотя нѣсколько удовлетворяло ожиданіямъ, быстро разносилась о немъ молва во всѣхъ слояхъ общества, и его привѣтствовала любовь народная, потому что поэтъ уже дѣлался общимъ достояніемъ и на него смотрѣли какъ на будущую славу родной земли.—Такъ ли оно

теперь? или можетъ быть, такъ называемый прогрессъ, совершенно убилъ поэзію, и не возстанетъ болѣе между нами оригинальныхъ поэтовъ, какъ въ былое время!

Вотъ почему мнѣ пришло на мысль, когда уже давно миновалась столь отрадная для насъ эпоха, напомнить себѣ и другимъ: какъ постепенно возникала и гасла передъ моими глазами, вся сія блистательная Плэада нашихъ великихъ поэтовъ, отъ которой нынѣ едва остались двѣ, три запоздалыя звѣздочки; онѣ еще мелькаютъ на горизонтѣ, бросая намъ слабые лучи, какъ бы только ради памяти минувшаго, и уже готовы сами скоро потухнуть. А сколько ихъ горѣло, однимъ яркимъ созвѣздіемъ, на полуночномъ небѣ, и какіе громадные Оріоны выступали изъ среды ихъ, чтобы своимъ полярнымъ свѣтомъ руководить насъ на пути умственнаго и сердечнаго образованія, хотя и не долго суждено имъ было утѣшать насъ отраднымъ сіяніемъ!—Державинъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Баратынскій, Козловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Веневитяновъ, Хомяковъ, Бестужевъ, Гоголь, Кольцовъ, и сколько другихъ:—все это просіяло въ теченіи одного поэтическаго полувѣка и уже ничего почти не осталось на вторую прозаическую его половину.—Можетъ быть любопытны будутъ, если не для современниковъ, то для потомства, эти не многія страницы, гдѣ записаны разнообразные случаи моего знакомства съ большею частію сихъ первенцевъ и вождей Русскаго слова.

Отъ самаго дѣтства имѣлъ я большое расположеніе къ литературѣ и особенно къ поэзіи; но развитіемъ во мнѣ этого чувства вполнѣ былъ я обязанъ просвѣщенному наставнику Ранчу-Амфитеатрову, родному брату бывшаго знаменитаго Митрополита Кіевскаго Филарета. Не будучи самъ

оригинальнымъ поэтомъ, Раичь имѣлъ однако тонкій образованный вкусъ и, по духу того времени, страстно любилъ поэзію, которой, можно сказать, посвятилъ всю свою жизнь. Многое перевелъ онъ на родной языкъ, но лучшимъ его произведеніемъ были Виргиліевы Георгики, по трудности и вѣрности перевода этой поэмы. Освобожденный Іерусалимъ Тасса и бѣшенный Роландъ Аріоста, были также переведены имъ, соотвѣтствующими стансами, хотя и не столь удачно, по неуловимости Италіанской граціи. Не много мечталъ онъ о своихъ переводахъ и самъ написалъ на нихъ забавную эпиграму во главѣ освобожденнаго Іерусалима.

Ты много потерпѣлъ Готфредъ
От варварскихъ народовъ,
Но болѣе потерпишь бѣдъ
Отъ Русскихъ переводовъ.

Усердно слѣдилъ онъ за ходомъ отечественной литературы и опытно указывалъ на лучшія произведенія, образуя тѣмъ вкусъ своихъ питомцевъ. Ѳ. И. Тютчевъ, еще доселѣ утѣшающій насъ стройными звуками своей лирической поэзіи, былъ первымъ его воспитанникомъ. Чтеніемъ и переводами классическихъ Латинскихъ авторовъ, старался онъ усовершенствовать слогъ своихъ учениковъ, по сродству Латинскихъ грамматическихъ формъ съ Русскими. Подъ его руководствомъ перевелъ я цѣлую декаду исторіи Тита Ливія и всю Виргиліеву Энеиду, сперва прозою а потомъ и гекзаметрами. Но, чтобы еще болѣе во мнѣ развить вкусъ къ словесности, онъ составилъ въ Москвѣ небольшое литературное общество, которое собиралось у него по вечерамъ, для чтенія лучшихъ Русскихъ авторовъ и для критическаго разбора собственныхъ нашихъ сочиненій, а это чрезвычайно подстрекало наше взаимное соревнованіе.

Со мною воспитывались, въ родительскомъ домѣ, нѣсколько молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій, кромѣ корпуса колонновожатыхъ и свитскихъ офицеровъ, основаннаго отцемъ моимъ, и изъ ихъ среды были также сотрудники въ нашемъ обществѣ, какъ въ столицѣ, такъ и въ нашей Подмосковной деревнѣ, куда на лѣто переѣзжалъ съ нами весь корпусъ. Московскіе бояре охотно отдавали туда дѣтей своихъ, по особенной довѣренности къ моему родителю, и въ послѣдствіи возникло, изъ сего образованнаго круга, много славныхъ дѣятелей на воинскомъ и государственномъ поприщѣ, гдѣ еще и доселѣ подвизаются нѣкоторые изъ нихъ.

Въ числѣ сотрудниковъ нашихъ былъ Н. И. Полевой, который только что начиналъ свое литературное поприще, изданіемъ журнала «Телеграфъ»; это было тогда большою новостью, по неимѣнію такого рода повременныхъ изданій, кромѣ «Вѣстника Европы» уже отживавшаго свой вѣкъ. Общество наше, хотя и небольшое, могло похвалиться еще однимъ именитымъ членомъ, который только что окончилъ тогда свой курсъ въ университетѣ. Это былъ М. П. Погодинъ, прославившій въ послѣдствіи занимаемую имъ каѳедру въ университетѣ, и какъ филологъ, и какъ историкъ, и былъ двигателемъ Славянскаго дѣла, которое ему особенно обязано своимъ процвѣтаніемъ на Руси. Съ тѣхъ поръ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, мы всегда встрѣчались съ нимъ друзьями, даже до недавняго юбилея духовной Академіи въ Кіевѣ. И другой, будущій знаменитый профессоръ словесности Московскаго университета, С. П. Шевыревъ, трудился вмѣстѣ съ нами въ скромномъ литературномъ нашемъ кружкѣ, когда мы сами не подозрѣвали, что изъ нашей среды выйдутъ такіе опытные дѣятели Русскаго слова. В. П. Титовъ, занимавшій

въ послѣдствіи важный постъ при Портѣ Оттоманской, былъ также изъ числа нашихъ и, какъ бы предчувствуя свое призваніе къ Востоку, съ любовію изучалъ языкъ Еллинскій и перевелъ трагедію Эсхила. Помню, что однажды посѣтилъ нашъ литературный вечеръ и Бестужевъ, котораго одушевленныя повѣсти уже возбуждали общее вниманіе, еще прежде нежели онъ прославился ими на Кавказѣ, подъ именемъ Марлинскаго. Былъ между нами и Д. П. Ознобишинъ, пріятными стихотвореніями оживлявшій наши вечера и, если не ошибаюсь, М. А. Дмитріевъ, еще весьма юный тогда поэтъ, племянникъ маститаго по годамъ и поэзіи старца И. И. Дмитріева.

Раичь представилъ меня сему ветерану нашихъ поэтовъ и весьма назидательна была для меня его умная бѣсѣда; онъ снисходительно удѣлялъ намъ цѣлые вечера въ своемъ уединенномъ домѣ, у Спиридонія близь малой Никитской, гдѣ доживалъ посреди ученыхъ занятій свою глубокую старость. Поэтъ и особенно такой какъ Дмитріевъ, остатокъ славныхъ временъ Екатерины, другъ и сотрудникъ Державина, бывшій подобно ему Министромъ Юстиціи, казался намъ чѣмъ то особенно великимъ, не только какъ жрецъ искуства, но и какъ одинъ изъ важныхъ дѣятелей той эпохи, и съ глубокимъ уваженіемъ мы на него смотрѣли; онъ же, съ своей стороны, чрезвычайно ласково обращался съ юными любителями Музъ, читая намъ иногда свои произведенія и разсказывая о событіяхъ минувшаго. Лестно было для насъ каждое одобрительное его слово, если иногда заставлялъ насъ читать собственные наши стихи. Услышавъ однажды отъ Раича, что я написалъ небольшое стихотвореніе «Ермакъ», какъ бы въ подражаніе его вдохновенной пѣсни о завоевателѣ Сибири, онъ непремѣнно потребо-

валъ, чтобы я прочелъ ему мои стихи и, въ награду за это, прочелъ мнѣ собственнаго «Ермака». Послѣ смерти Державина, онъ и Карамзинъ, оставались почти единственными представителями старой славной эпохи, и около нихъ, уже какъ новое поколѣніе литераторовъ, являлись Крыловъ, съ своими чудными баснями, и Жуковскій, создавшій особый родъ романтической поэзіи, и остроумный Князь Вяземскій. О Батюшковѣ мы только слышали, любуясь его стихами, что онъ тяжко болѣнъ. Между тѣмъ исторія Карамзина возбуждала общій восторгъ, по своимъ патріотическимъ чувствамъ, и онъ стоялъ на апогеѣ своей славы, во главѣ нашей литературы. Къ сожалѣнію мнѣ не случилось никогда его видѣть, такъ какъ онъ скончался прежде моего переселенія въ сѣверную столицу.

Но вотъ, около сего времени, возстаетъ новое яркое свѣтило, которое затмѣваетъ своею славою все, что до него просіяло въ нашей литературѣ. Помню какой общій восторгъ возбудила, при первомъ своемъ появленіи, оригинальная его поэма «Русланъ и Людмила», утвердившая за нимъ громкое титло лучшаго нашего поэта. Она переходила изъ рукъ въ руки и изъ устъ въ уста; всѣ съ изумленіемъ спрашивали: кто этотъ даровитый лицеистъ Пушкинъ, который до того времени былъ только извѣстенъ не многими лирическими, хотя и весьма изящными стихотвореніями?— Никогда литературная слава не возрастала столь быстро. Авторъ Руслана и Людмилы мгновенно сдѣлался любимцемъ всей читающей публики, и предъ нимъ должны были преклониться всѣ бывшія знаменитости нашего Парнасса. Не много спустя явилось въ рукописи еще одно оригинальное твореніе, сдѣлавшееся также общимъ достояніемъ, даже и потому, что оно оставалось въ рукописи, которую всѣ пе-

реписывали и знали наизусть. Это безсмертная комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума», самый вѣрный сколокъ Московскихъ нравовъ того времени, и потому оставившая по себѣ столь же глубокое впечатлѣніе, какъ нѣкогда Бригадиръ и Митрофанушка Фонъ-Визина, такъ что многіе ея стихи обратились въ пословицы.

Вскорѣ послѣ сего военная служба отвлекла меня на югъ, въ древній Кіевъ и цвѣтущую Подолію и живописный Крымъ, возбуждая во мнѣ поэтическіе порывы самою красотою природы. Но моя поѣздка на южный берегъ Тавриды дала мнѣ случай познакомиться съ знаменитымъ авторомъ «Горе отъ ума». Это было осенью 1825 года. Объѣхавъ весь южный берегъ, я остановился на нѣсколько дней въ Симферополѣ, въ то самое время какъ былъ тамъ Грибоѣдовъ, и даже въ одной съ нимъ гостинницѣ. Однако, сколько я ни желалъ съ нимъ сойтись, мнѣ говорили, что онъ не доступенъ для всѣхъ, исключая какого то Нѣмецкаго Барона, давняго его пріятеля.—Случилось однажды ночью, что, встревоженный страшнымъ сномъ, я громко вскрикнулъ, и на этотъ крикъ вбѣжалъ ко мнѣ изъ сосѣдняго нумера самъ Грибоѣдовъ. Тутъ только мы увидѣлись и сейчасъ же сошлись, по самой странности нашего знакомства. Потомъ вмѣстѣ мы странствовали по Крыму и подымались на вершину Чатыръ-Дага. Ему пріятно было видѣть до какой степени его комедія была у всѣхъ на устахъ, такъ какъ я часто повторялъ предъ нимъ цѣлыя изъ нее тирады. Поэтъ въ душѣ, посреди очарованій Крыма, онъ возбуждалъ меня продолжать заниматься поэзіей, но сердце его стремилось въ Грузію, куда звала его и служба. Тамъ былъ онъ страстно влюбленъ въ прекрасную Княжну Нину Чавчавадзеву, сестру будущей Владѣтельницы Мин-

греліи, и давно уже желалъ ея руки. Послѣ многихъ препонъ ему наконецъ улыбнулось счастье; онъ получилъ мѣсто Посланника въ Тегеранѣ и въ тоже время согласіе родителей Княжны. Въ полномъ упоеніи своего счастья, Грибоѣдовъ поскакалъ за посольскими инструкціями въ Петербургъ, и на перепутьи въ Москвѣ, мнѣ случилось еще однажды его увидѣть и въ послѣдній разъ. Кто не знаетъ бѣдственной его кончины въ Персіи?—Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ его свадьбы, какъ уже горькая вдова сооружала ему могильный памятникъ въ Тифлисѣ, на горѣ, близь уединенной церкви Св. Давида.

На слѣдующую осень я поѣхалъ въ отпускъ изъ полка и, въ теченіи зимы съ 1826 на 1827 годъ, имѣлъ случай встрѣтить въ Москвѣ много знаменитостей нашей литературы, такъ какъ мнѣ сопутствовалъ родной братъ поэта Баратынскаго, служившій со мною въ той-же драгунской дивизіи. Въ домѣ его матери сблизился я сперва съ братомъ его, который былъ тогда во всемъ блескѣ своей славы и очень друженъ съ Пушкинымъ, Кн. Вяземскимъ и Дельвигомъ. Тутъ постепенно познакомился я съ сими представителями отечественной литературы того времени. Слава Пушкина гремѣла по всюду и онъ, можно сказать, былъ идоломъ народнымъ; стихи его продавались на вѣсъ золота, едвали не по червонцу за стихъ: Кавказскій плѣнникъ, Бакчисарайскій фонтанъ, Цыгане, читались во всѣхъ гостинныхъ; уже появились первыя пѣсни Евгенія Онѣгина, въ которыхъ такъ поэтически описывалъ онъ свою и общественную жизнь, и этой поэмѣ не предвидѣлось конца, какъ Байроновскому Донъ-Жуану. Самъ Пушкинъ, послѣ бурныхъ годовъ своей молодости, былъ страстно влюбленъ въ Московскую красавицу Гончарову, которая дѣйствительно могла служить иде-

аломъ Греческой правильной красоты, и онъ оригинально выразилъ свое сердечное настроеніе легкимъ двустишіемъ.

Я влюбленъ, я очарованъ,
Словомъ я огончарованъ.

Въ послѣдствіи мнѣ случилось очень близко сойтись съ семействомъ Гончаровыхъ, но уже тогда, когда оно оплакивало кончину великаго поэта. Привѣтливо встрѣтилъ меня Пушкинъ, въ домѣ Баратынскаго, и показалъ живое участіе къ молодому писателю, безъ всякой литературной спѣси или какихъ либо видовъ протекціи, потому что, хотя онъ и чувствовалъ всю высоту своего генія, но былъ чрезвычайно скроменъ въ его заявленіи. Сочувствуя всякому юному таланту, и онъ, какъ нѣкогда Дмитріевъ, заставлялъ меня читать мои стихи, и ему были пріятны нѣкоторыя строфы изъ моего описанія Бакчисарая, оттого что самъ воспѣлъ этотъ чудный фонтанъ: такъ снисходительно судилъ онъ о чужихъ произведеніяхъ.

Общимъ центромъ для литераторовъ и вообще для любителей всякаго рода искуствъ, музыки, пѣнія, живописи, служилъ тогда блестящій домъ Княгини Зинаиды Волконской, урожденной Княжны Бѣлозерской. Эта замѣчательная женщина, съ остатками красоты и на склонѣ лѣтъ, хотѣла играть роль Коринны, и дѣйствительно была нашей Русскою Коринною. Она писала и прозою и стихами, одушевленная чувствомъ патріотизма, который не оставилъ ее даже и тогда, какъ, измѣнивъ вѣрѣ отеческой, поселилась въ Римѣ. Предметомъ же своей поэмы избрала она Св. Ольгу, такъ какъ и въ ея жилахъ текла кровь Рюрикова и родъ Бѣлозерскихъ особенно благоговѣлъ предъ сею великою просвѣтительницею Руси. (У нихъ въ домѣ даже хранилась древняя ея икона, писанная, по семейному пре-

данію, живописцемъ Императора Константина Багрянороднаго, въ то самое время когда крестилась Ольга въ Царьградѣ). Все дышало граціей и поэзіей въ необыкновенной женщинѣ, которая вполнѣ посвятила себя искуству. По ея аристократическимъ связямъ, собиралось въ ея домѣ самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались къ ней, какъ бы къ нѣкоему Меценату, и пріятно встрѣчали другъ друга на ея блистательныхъ вечерахъ, которые умѣла воодушевить съ особеннымъ талантомъ. Страстная любительница музыки, она устрояла у себя не только концерты, но и Италіанскую оперу, и являлась сама на сценѣ въ роли Танкреда, поражая всѣхъ ловкою игрою и чуднымъ голосомъ: трудно было найти равный ей контръ-альто. Въ великолѣпныхъ залахъ Бѣлосельскаго дома, какъ бы Римскаго палацца, оперы, живыя картины и маскарады, часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представленіе обстановлено было съ особеннымъ вкусомъ, ибо Княгиню постоянно окружали Италіанцы, которые завлекли ее и въ Римъ.

Тутъ же, въ этихъ салонахъ, можно было встрѣтить и все что только было именитаго на Русскомъ Парнассѣ, ибо всѣ преклонялись предъ геніальною женщиной. Пушкинъ и Вяземскій, Баратынскій и Дельвигъ, были постоянными ея посѣтителями. Кн. Одоевскій, столько же преданный музыкѣ какъ и поэзіи, который издавалъ въ то время свою Мнемозину, не пропускалъ ни одного ея вечера; бывалъ тутъ и пріятный авторъ отечественныхъ романовъ М. Н. Загоскинъ; степенные Раичь, Шевыревъ и Погодинъ, хотя и не любители большаго свѣта, не чуждались однако ея блистательнаго круга: такъ умѣла она все собирать воедино. Но былъ одинъ юный даровитый поэтъ, въ родѣ André

Chenier, котораго влекло къ ней не одно лишь блистательное общество; горящій чистою но страстною любовію, ей посвящалъ онъ звучные меланхолическіе свои стихи и безвременно сошелъ въ могилу, хотя Княгиня, дружная съ его семействомъ, оказывала ему нѣжную пріязнь. Много обѣщалъ въ будущемъ молодой Веневитяновъ и его ранняя кончина была большею утратою для поэзіи.—Знаменитый Польскій поэтъ Мицкевичь, неволею посѣтившій Москву, былъ также однимъ изъ дорогихъ гостей Бѣлосельскихъ палатъ, его Дзяды и Крымскіе сонеты очень славились въ то время, и онъ изумлялъ необычайною своей импровизаціей трагическихъ сценъ. Общество его было весьма пріятно и мнѣ часто случалось наслаждаться его бѣсѣдой, въ которой не былъ замѣтенъ ретивый Полякъ, хотя и въ душѣ патріотъ, но прежде всего высказывался великій поэтъ.

Домъ Бѣлосельскихъ былъ мнѣ особенно близокъ, какъ по родственнымъ связямъ, такъ и потому, что младшій братъ Княгини, отъ другаго брака, воспитывался вмѣстѣ со мною. Часто бывалъ я на вечерахъ и маскарадахъ, и тутъ однажды, по моей неловкости, случилось мнѣ сломать руку колосальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мнѣ злую эпиграму Пушкина, который, не разобравъ стиховъ, сейчасъ-же написанныхъ мною, въ свое оправданіе, на пьедесталѣ статуи, думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона. Но эпиграма дошла до меня уже поздно, когда я былъ въ деревнѣ. Послѣ этой пріятной зимы, мнѣ привелось еще встрѣтить Княгиню Зинаиду, черезъ осмнадцать лѣтъ, въ Римѣ, уже совращенную въ Латинство, до крайнихъ предѣловъ фанатизма, и постоянно окруженную Аббатами. Она старалась увлечь и меня въ новое свое ис-

повѣданіе, и мнѣ странно было видѣть молодаго ея воспитанника, Паве, бывшаго Англичанина, а потомъ православнаго и католика, уже камергеромъ при дворѣ Папскомъ. Но еще не совершенно покинула ее поэтическое чувство, и Римская вилла Княгини, на древнемъ водопроводѣ Нерона, по своему оригинальному устройству, дышала поэзіей ея минувшаго.

Въ продолженіи зимы 1826 года напечаталъ я собраніе мелкихъ моихъ стихотвореній, съ описаніемъ южнаго берега Крыма, подъ общимъ названіемъ Тавриды. Весьма горько было для моего авторскаго самолюбія, когда весною въ деревнѣ, въ одномъ изъ журналовъ Московскихъ, прочелъ я критическій разборъ моей книжки, хотя и довольно снисходительный, но какъ мнѣ тогда казалось, слишкомъ строгій. Безъимянную сію критику, написалъ мой пріятель поэтъ Баратынскій; оттого и не было ничего оскорбительнаго въ его сужденіяхъ; но для молодаго писателя это былъ жестокій ударъ при самомъ началѣ литературнаго поприща, который рѣшилъ меня обратиться къ прозѣ. Когда-же я возвратился лѣтомъ въ Москву, чтобы ѣхать опять въ полкъ, весь литературный кружокъ столицы уже разсѣялся, но мнѣ случилось встрѣтить Соболевскаго, который былъ короткимъ пріятелемъ Пушкина. Я спросилъ его: «какая могла быть причина, что Пушкинъ, оказывавшій мнѣ столь много пріязни, написалъ на меня такую злую эпиграму!»—Соболевскій отвѣчалъ; «вамъ покажется страннымъ мое объясненіе, но это сущая правда; у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее и онъ обращался ко всякаго рода гадальщицамъ. Одна изъ нихъ предсказала ему: что онъ долженъ остерегаться высокаго бѣлокураго молодаго человѣка, отъ котораго придетъ ему смерть. Пушкинъ довольно суе-

вѣренъ и потому, какъ только случай сведетъ его съ человѣкомъ, имѣющимъ всѣ сіи наружныя свойства, ему сейчасъ приходитъ на мысль испытать: не это ли роковой человѣкъ? Онъ даже старается раздражить его, чтобы скорѣе искусить свою судьбу. Такъ случилось и съ вами, хотя Пушкинъ къ вамъ очень расположенъ». Не странно ли, что предсказаніе, слышанное мною въ 1827 году, отъ слова до слова сбылось надъ Пушкинымъ, ровно черезъ 10 лѣтъ.

Годъ спустя началась Турецкая война, въ которой я участвовалъ. На зимнихъ квартирахъ въ Яссахъ, имѣлъ я случай познакомиться съ Хомяковымъ, ни какъ не подозрѣвая въ молодомъ армейскомъ гусарѣ столь знаменитаго поэта, хотя онъ и читалъ мнѣ иногда свои стихи; но мы никогда не можемъ повѣрить, на первыхъ порахъ, великому таланту. Странно однако, что во всю сію войну, столь блистательную для нашего оружія, Хомяковъ не ознаменовалъ ни однимъ стихотвореніемъ наши славныя побѣды, хотя такого рода лирическіе порывы, были совершенно въ духѣ его поэзіи. По своему оригинальному характеру, онъ старался заявить себя гораздо болѣе гусаромъ нежели поэтомъ на шумныхъ вечеринкахъ. При этомъ, Хомяковъ былъ неумолимый спорщикъ, какихъ трудно найти. Не было предмета, о чемъ бы не вступалъ онъ въ словопрѣніе и, при необыкновенной памяти, будучи чрезвычайно начитанъ, всегда имѣлъ верхъ во всякомъ спорѣ. Такъ велико было его искуство въ діалектикѣ, что одинъ и тотъ же предметъ могъ онъ защищать съ двухъ противуположныхъ сторонъ, и бѣлое дѣлалось у него чернымъ, а черное бѣлымъ. Это дало ему возможность и впослѣдствіи, выдерживать трудныя словопрѣнія съ раскольниками на Кремлевской площали, гдѣ никто не могъ его одолѣть. Мы съ нимъ очень

сошлись во время кампаніи, по его благородному и кроткому характеру, и долго поддерживалась взаимная наша связь въ Москвѣ, когда уже онъ былъ во всей поэтической своей славѣ; но славянофильское его направленіе нѣсколько насъ раздѣлило, такъ какъ я не сочувствовалъ слишкомъ рѣзкому его направленію и не всегда соглашался съ его богословскими взглядами, въ которыхъ мнѣ тогда казалось, что не было достаточно церковныхъ основаній, хотя все было совершенно православно.

Послѣ моего возвращенія изъ Іерусалима въ 1830 году, совершенно измѣнилось для меня поприще моей дѣятельности; изъ теплаго поэтическаго юга, гдѣ провелъ первые годы молодости, переселился я на много лѣтъ въ сѣверную столицу; тамъ ожидалъ меня совершенно иной литературный кругъ. Все еще было тамъ исполнено памятію нашего великаго исторіографа, недавно лишь скончавшагося; остатки приснаго его общества, еще собирались иногда у тетки моей Е. Ѳ. Муравьевой, вдовы знаменитаго попечителя Московскаго университета, Михаила Никитича, который также въ свое время былъ уважаемымъ писателемъ. Тутъ встрѣчалъ я родственнаго намъ И. М. Муравьева--Апостола, бывшаго нѣкогда посломъ въ Испаніи, который и самъ любилъ заниматься литературой. А. И. Тургеневъ, дружный со всѣми учеными и писателями того времени, который собиралъ драгоцѣнные матеріалы для отечественной исторіи въ иностранныхъ архивахъ, Графъ Д. Н. Блудовъ, благоговѣвшій къ памяти исторіографа и издавшій послѣдній томъ его исторіи, посѣщали также не большой семейный кругъ моей тетки; она была совершенно убита недавнею разлукою съ двумя сыновьями, сосланными по винѣ политической, и принимала только однихъ присныхъ.

Но всего дороже для меня, въ домѣ тетушки, было знакомство съ В. А. Жуковскимъ, который, какъ добрый Ангелъ, являлся вездѣ гдѣ только нужно было утѣшать. Трудно вообразить себѣ существо болѣе чистое и нравственное: въ зрѣломъ и уже почти старческомъ возрастѣ, сохранилъ онъ всю дѣвственность мыслей и чувствъ, и все что истекало изъ его благороднаго сердца, носило на себѣ отпечатокъ первобытной, какъ бы райской невинности; казалось, въ теченіи долгой жизни, міръ обошелъ его и миновалъ, со всѣми своими житейскими соблазнами, и онъ остался чуждымъ всякой страсти, всякаго честолюбія. Таковъ былъ Жуковскій, дитя по своимъ чувствамъ, опытный старецъ по глубокимъ думамъ. Всякое горе и всякую нужду близко принималъ онъ къ сердцу, стараясь помочь каждому сколько могъ, по своему близкому отношенію ко Двору, какъ воспитатель Наслѣдника престола. Мнѣ особенно онъ памятенъ, по тому живому участію, какое принялъ въ моихъ литературныхъ начинаніяхъ. Я приступалъ тогда къ изданію «путешествія по Святымъ мѣстамъ» и, не смотря на многообразныя занятія, Жуковскій не отказался прочитать всю мою рукопись и замѣтить мнѣ искренно погрѣшности слога; но въ вопросахъ церковныхъ, онъ смиренно обращалъ меня къ опытной мудрости Митрополита Московскаго, что и послужило началомъ моего знакомства съ симъ великимъ Святителемъ. Когда-же неожиданный успѣхъ увѣнчалъ сіе первое мое твореніе, Жуковскій радовался отъ души, какъ бы за собственный трудъ, и поручалъ его вниманію другихъ именитыхъ литераторовъ.

Цензоромъ моей книги былъ остроумный Сенковскій, иначе Баронъ-Брамбеусъ, какъ онъ называлъ себя въ своихъ повѣстяхъ, и много мнѣ принесъ пользы практичес-

скимъ знаніемъ Востока. Не много времени спустя, Жуковскій, будучи за границей, услышалъ о неудачѣ моей трагедіи «битва при Тиверіадѣ», написанной мною во время Турецкаго похода, подъ вліяніемъ Востока Крестоносцевъ, которая упала на сценѣ при первомъ ея представленіи; это совершенно убило во мнѣ расположеніе къ драматической поэзіи. Сочувствуя моему огорченію, Василій Андреевичь написалъ, съ береговъ Рейна, добродушное письмо къ другу своему, слѣпому поэту Козлову, и просилъ его передать мнѣ, чтобы я не упадалъ духомъ и не оставлялъ поэзіи, по моему искреннему къ ней расположенію. Что́ для него былъ безвѣстный юноша, только что выступившій на литературное поприще, на которомъ самъ уже пожалъ обильные лавры?—и однако онъ не остался равнодушенъ къ его неудачѣ!

И другой великій поэтъ оказалъ мнѣ живое участіе въ эту знаменательную для меня эпоху, перваго блистательнаго успѣха при появленіи моего путешествія, и столь быстро послѣдовавшей за нимъ неудачи моей трагедіи:— это былъ Пушкинъ. Четыре года я не встрѣчался съ нимъ, по причинѣ Турецкой кампаніи и моего путешествія на Востокѣ, и совершенно нечаянно свидѣлся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ собиралъ онъ документы для предпринятой имъ исторіи Петра Великаго. По моей близорукости я даже сперва не узналъ его; но благородный душею Пушкинъ устремился прямо ко мнѣ, обнялъ крѣпко и сказалъ: «простилиль вы меня? а я не могу доселѣ простить себѣ свою глупую эпиграму, особенно когда я узналъ что вы поѣхали въ Іерусалимъ. Я даже написалъ для васъ нѣсколько стиховъ: что когда, при заключеніи мира, всѣ сильные земли забыли о святомъ градѣ и гробѣ Христовомъ, одинъ только безвѣстный юноша о

нихъ вспомнилъ и туда устремился. Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ читалъ я ваше путешествіе». Я былъ тронутъ до слезъ и просилъ Пушкина доставить мнѣ эти стихи, но онъ никакъ не могъ ихъ найти въ хаосѣ своихъ бумагъ, и даже, послѣ его смерти, ихъ не отыскали, хотя я просилъ о томъ моего пріятеля Анненкова, сдѣлавшаго полное изданіе всѣхъ его сочиненій. Съ тѣхъ поръ и до самой кончины Пушкина, я оставался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. И ему также, какъ Жуковскому, была непріятна моя драматическая неудача и, такъ какъ онъ издавалъ въ это время журналъ свой «Современникъ», то предложилъ мнѣ напечатать въ немъ объяснительное предисловіе къ «битвѣ при Тиверіадѣ» и нѣсколько лучшихъ ея отрывковъ, равно какъ и изъ другой моей трагедіи «Михаилъ Тверской». Такъ снисходительны великіе геніи въ отношеніи меньшихъ талантовъ.

Успѣхъ «путешествія по Святымъ мѣстамъ» ввелъ меня въ литературный кругъ Петербурга, когда бывали собранія у Жуковскаго. Онъ меня познакомилъ и съ слѣпымъ поэтомъ Козловымъ, котораго поэма «Чернецъ» пріобрѣла ему большую извѣстность. Разбитый параличемъ лежалъ онъ на болѣзненномъ одрѣ, по счастію еще окруженный семьею, въ которой Жуковскій принималъ живое участіе, ради его бѣдности. Но Козловъ былъ поэтъ въ душѣ и, не смотря на истощеніе физическихъ силъ, только и мечталъ о поэзіи и безпрестанно сочинялъ стихи, которые съ большимъ воодушевленіемъ говорилъ намъ наизустъ на своихъ вечерахъ. Къ нему сбиралось еженедѣльно нѣсколько присныхъ, иногда и писателей, и часто бывала тутъ Графиня Лаваль, тетка Княгини Зинаиды Волконской, которая покровительствовала поэту, по любви своей къ литературѣ и ради его

безпомощнаго положенія. Бывали иногда Жуковскій и Плетневъ, и мнѣ доводилось читать предъ ними отрывки изъ моего путешествія или стихи. Горько жаловался Козловъ на свою судьбу; въ молодости онъ былъ очень свѣтскимъ человѣкомъ и даже считался лучшимъ кавалеромъ на балахъ; это сохранилось въ его памяти и странно было, какъ его занимали разсказы Графини о изящной пляскѣ г. Тальони и какъ онъ сокрушался, что не могъ ее видѣть.

Помню какое трогательное слово сказалъ однажды Жуковскій, чтобы утѣшить болящаго: «ты все жалуешься на свою судьбу, другъ мой Иванъ Ивановичь; но знаешь ли что такое судьба?—это исполинъ, у котораго золотая голова, а ноги желѣзныя. Если кто, по малодушію, предъ нимъ падетъ, того онъ растопчетъ своимм желѣзными ногами; но если кто безъ страха взглянетъ ему прямо въ лице: того осіяетъ онъ блескомъ золотой головы!»—Какъ это глубоко и проникнуто загадочною мудростію Востока! Козловъ заплакалъ и потомъ переложилъ слова сіи на стихи. По смерти бѣднаго страдальца, Жуковскій испросилъ пенсію его дочери и напечаталъ полное изданіе всѣхъ его стихотвореній.—Такова была Ангельская его душа.

Въ домѣ родственной мнѣ Графини Канкриной, урожденной Муравьевой, имѣлъ я случай познакомиться съ другимъ знаменитымъ поэтомъ, баснописцемъ Крыловымъ. Небрежный въ своей одеждѣ, неловкій въ тѣлодвиженіяхъ, онъ былъ чрезвычайно забавенъ въ своихъ рѣчахъ, которыя нечаянно у него прорывались какъ бы нѣкіе афоризмы. Однажды за столомъ, когда долго говорили о Сибирскихъ рудникахъ и о томъ, что добываемое золото нашихъ богачей лежитъ у нихъ какъ мертвый капиталъ, Крыловъ внезапно спросилъ: «а знаете ли, Графъ,

какая разница между богачемъ и рудникомъ?»—«А какая батюшка»? возразилъ Графъ.—«Рудникъ хорошъ когда его разроютъ, а богачь когда его зароютъ».

Въ другой разъ, гуляя съ пріятелемъ по Невскому, гдѣ только что устроены были широкіе тротуары, хвалился онъ, что теперь такое удобство для пѣшеходовъ, что даже извощики болѣе не нужны. Въ эту минуту подъѣхалъ къ нему Ванька съ предложеніемъ подвезти. Важно посмотрѣлъ на него Крыловъ и спросилъ: «а что ты мнѣ за это дашь?»—Была у него однажды рожа на ногѣ, которая долго мѣшала ему гулять, и съ трудомъ вышелъ онъ на Невскій. Вотъ ѣдетъ мимо пріятель и, не останавливаясь, кричитъ ему: «а что рожа прошла?»—Крыловъ же вслѣдъ ему: «проѣхала»! Но онъ былъ чрезвычайно скроменъ въ отношеніи своего таланта, какъ и всѣ великіе писатели, чувствующіе свое достоинство. Однажды у Канкриныхъ, думая ему польстить, стали перечислять, какъ много уже вышло изданій его басней. «А что мудренаго? отвѣчалъ Крыловъ, басни писаны для дѣтей, а дѣти все рвутъ книжки, и приходится опять печатать».

Не много уже времени оставалось Пушкину украшать отечественную словесность, зрѣлыми плодами своего генія, когда появился другой необычайный талантъ, обѣщавшій наслѣдовать его славу, если бы и ему не предназначенъ былъ еще болѣе краткій срокъ на литературномъ поприщѣ и не ожидала его такая же роковая судьба, какъ и нашего великаго поэта. Я хочу говорить о Лермонтовѣ; онъ еще былъ тогда лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ въ Гвардейской школѣ, и никто о немъ не слыхалъ.—Однажды его товарищъ по школѣ, гусаръ Цейдлеръ, приноситъ мнѣ тетрадку стиховъ неизвѣстнаго поэта и, не называя его по

имени, проситъ только сказать мое мнѣніе о самыхъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова «Демонъ». Я былъ изумленъ живостью разсказа и звучностью стиховъ, и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова, и когда гусарскій юнкеръ надѣлъ эполеты, онъ не замедлилъ ко мнѣ явиться. Таково было начало нашего знакомства. Лермонтовъ просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ; живая и остроумная его бѣсѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ онъ сходство; не одинъ разъ просилъ я и того и другаго: «смѣяться проще». Часто читалъ мнѣ молодой гусаръ свои стихи, въ которыхъ отзывались пылкія страсти юношескаго возраста, и я говорилъ ему: «отъ чего не изберетъ болѣе высокаго предмета для столь блистательнаго таланта?» Пришло ему на мысль написать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го Отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего Отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался не умолимъ; даже цензура получила неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ.

Случилась несчастная дуэль Пушкина; столица поражена была смертью любимаго поэта; народъ толпился около его дома, гдѣ сторожила полиція, испуганная такимъ сборищемъ; впускали только по одиночкѣ поклониться тѣлу

усопшаго. Два дня сряду, въ тѣсной его квартирѣ, являлись какъ тѣни люди всякаго рода и званія, одинъ за другимъ благоговѣйно подходили къ его рукѣ и молча удалялись, чтобы дать мѣсто другимъ почитателямъ его памяти. Было даже опасеніе взрыва народной ненависти къ убійцѣ Пушкина. Если потеря его произвела такое сильное впечатлѣніе на народъ, то можно себѣ представить каково было раздраженіе въ литературномъ кругѣ. Лермонтовъ сдѣлался его эхомъ и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность, написавъ энергическіе стихи на смерть Пушкина; но себѣ навлекъ онъ большую бѣду, такъ какъ упрекалъ въ нихъ вельможъ, стоявшихъ около трона, за то что могли допустить столь печальное событіе. Ходила молва, что Пушкинъ палъ жертвою тайной интриги, по личной враждѣ, умышленно возбудившей его ревность; дѣятелями же были люди высшаго слоя общества. Поздно вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Лермонтовъ и съ одушевленіемъ прочелъ свои стихи, которые мнѣ очень понравились. Я не нашелъ въ нихъ ничего особенно рѣзкаго, потому что не слыхалъ послѣдняго четверостишія, которое возбудило бурю противъ поэта. Стихи сіи ходили въ двухъ спискахъ по городу, одни съ прибавленіемъ, а другіе безъ него, и даже говорили, что прибавленіе было сдѣлано другимъ поэтомъ, но что Лермонтовъ благородно принялъ это на себя. Онъ просилъ меня поговорить въ его пользу Мордвинову и, на другой день, я поѣхалъ къ моему родичу. Мордвиновъ былъ очень занятъ и не въ духѣ. «Ты всегда съ старыми вѣстями, сказалъ онъ, я давно читалъ эти стихи Графу Бенкендорфу, и мы не нашли въ нихъ ничего предосудительнаго». Обрадованный такою вѣстью, я поспѣшилъ къ Лермонтову, чтобы его успокоить и, не заставъ дома, написалъ ему, отъ слова

до слова, то что сказалъ мнѣ Мордвиновъ. Когда же возвратился домой, нашелъ у себя его записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозитъ опасность. Долго ожидая меня написалъ онъ, на томъ же листкѣ, чудные свои стихи «вѣтка Палестины», которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ Палестинскихъ пальмъ, принесенныхъ мною съ Востока:

Скажи мнѣ вѣтка Палестины,
Гдѣ ты цвѣла, гдѣ ты росла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была? и проч.

Меня чрезвычайно тронули эти стихи, но каково было мое изумленіе вечеромъ, когда Флигель-адъютантъ Столыпинъ сообщилъ мнѣ, что Лермонтовъ уже подъ арестомъ Случилось мнѣ на другой день обѣдать у Мордвинова; за столомъ потребовали его къ Гр. Бенкендорфу; черезъ часъ онъ возвратился и, съ крайнимъ раздраженіемъ, сказалъ мнѣ: «что́ ты на насъ выдумалъ? ты самъ будешь отвѣчать за свою записку». Оказалось, что когда Лермонтовъ былъ взятъ подъ арестъ, Генералъ Веймарнъ, исполнявшій должность Гр. Бенкендорфа за его болѣзнію, поѣхалъ опечатать бумаги поэта, и между ними нашелъ мою записку. При тогдашней строгости это могло дурно для меня кончиться; но меня выручилъ изъ бѣды бывшій начальникъ штаба Жандармскаго корпуса Генералъ Дупельтъ. Когда Веймарнъ показалъ ему мою записку, уже пришитую къ дѣлу, Дупельтъ очень спокойно у него спросилъ: «что онъ думаетъ о стихахъ Лермонтова, безъ конечнаго къ нимъ прибавленія»? Тотъ отвѣчалъ: «что въ четырехъ послѣднихъ стихахъ и заключается весь ядъ.»—«А если Муравьевъ

ихъ не читалъ, точно также какъ и Мордвиновъ, который ввелъ его въ такой промахъ»? возразилъ Дупельтъ. Веймарнъ одумался и оторвалъ мою записку отъ дѣла. Это меня спасло, иначе я совершенно невиннымъ образомъ попался бы въ исторію Лермонтова. Ссылка его на Кавказъ надѣлала много шума; на него смотрѣли какъ на жертву и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностію читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія.

Это все происходило зимою 1837 года; весною я поѣхалъ въ Воронежъ, а потомъ въ Калужское имѣніе Гончаровыхъ, такъ какъ я былъ очень друженъ съ однимъ изъ братьевъ, для котораго написалъ мои «письма о Богослуженіи». Тамъ проводила лѣто и прекрасная вдова Пушкина, убитая горемъ, въ кругу своего семейства. Въ Воронежѣ явился ко мнѣ человѣкъ довольно убого одѣтый, и назвалъ себя Кольцовымъ. Я очень былъ доволенъ познакомиться съ этимъ новымъ поэтомъ, котораго народная поэзія произвела большое впечатлѣніе въ столицѣ, когда отпечатана была первая книжка его стихотвореній. Но въ разговорѣ его не было ничего оригинальнаго, такъ что, кто не читалъ его стиховъ, никакъ бы не могъ подозрѣвать въ немъ поэта. Онъ подарилъ мнѣ на память собственноручную тетрадку своихъ стихотвореній, которая и доселѣ у меня хранится. Болѣе мнѣ не случалось его видѣть.

Въ помѣстьи Гончаровыхъ, посѣтилъ печальную вдову Пушкина, Жуковскій, который принималъ большое участіе въ ея судьбѣ и былъ не далеко въ Калугѣ съ Цесаревичемъ. Ему показалось страннымъ, что я тамъ нахожусь во время глубокаго ея траура, потому что не зналъ моихъ короткихъ отношеній съ ея братомъ. «Что вы здѣсь дѣ-

лаете? спросилъ онъ, «не лучше ли вамъ ѣхать въ Москву, чтобы намъ сопутствовать и объяснить Цесаревичу ея древнюю святыню». Съ радостію принялъ я столь лестное предложеніе и поспѣшилъ въ Москву. Тамъ представилъ меня Жуковскій Государю Наслѣднику и, въ его свитѣ, объѣхалъ я всѣ обители столицы и ея окрестности. Въ Новомъ Іерусалимѣ, особенно, требовалъ отъ меня Жуковскій подробныхъ объясненій, такъ какъ я недавно обозрѣвалъ древній и могъ сравнивать оба святилища; онъ содѣйствовалъ къ тому, что Великій Князь украсилъ мраморомъ и лампадами внутренность Святаго гроба въ Воскресенскѣ. Послѣ этой замѣчательной для меня поѣздки, я опять довольно долго не видалъ поэта, который уѣхалъ за границу, и тамъ было наше послѣднее свиданіе.

Между тѣмъ Лермонтовъ былъ возвращенъ съ Кавказа и, преисполненный его вдохновеніями, принятъ съ большимъ участіемъ въ столицѣ, какъ бы преемникъ славы Пушкина, которому принесъ себя въ жертву. На Кавказѣ было дѣйствительно гдѣ искать вдохновенія: не только чудная красота исполинской его природы, но и дикіе нравы его Горцевъ, съ которыми кипѣла жестокая борьба, могли воодушевить всякаго поэта, даже и съ меньшимъ талантомъ нежели Лермонтовъ, ибо въ то время это было единственное мѣсто ратныхъ подвиговъ нашей гвардейской молодежи, и туда устремлены были взоры и мысли высшаго свѣтскаго общества. Юные воители, возвращаясь съ Кавказа, были принимаемы какъ герои. Помню, что конногвардеецъ Глѣбовъ, выкупленный изъ плѣна Горцевъ, сдѣлался предметомъ любопытства всей столицы. Одушевленные разсказы Марлинскаго рисовали Кавказъ въ самомъ поэтическомъ видѣ; пѣсни и поэмы Лермонтова гремѣли по

всюду. Онъ поступилъ опять въ лейбъ-гусары. Мнѣ случилось однажды, въ Царскомъ Селѣ, уловить лучшую минуту его вдохновенія. Въ лѣтній вечеръ я къ нему зашелъ и засталъ его за письменнымъ столомъ, съ пылающимъ лицемъ и съ огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что съ тобою»? сфросилъ я. «Сядьте и слушайте», сказалъ онъ, и въ туже минуту, въ порывѣ восторга, прочелъ мнѣ, отъ начала до конца, всю свою великолѣпную поэму Мцыри (послушникъ по Грузински), которая только что вылилась изъ подъ его вдохновеннаго пера. Внимая ему и самъ пришелъ я въ невольный восторгъ: такъ живо выхватилъ онъ, изъ ребръ Кавказа, одну изъ его разительныхъ сценъ, и облекъ ее въ живые образы предъ очарованнымъ взоромъ. Никогда никакая повѣсть не производила на меня столь сильнаго впечатлѣнія. Много разъ въ послѣдствіи перечитывалъ я его Мцыри, но уже не та была свѣжесть красокъ, какъ при первомъ одушевленномъ чтеніи самаго поэта.

Не долго суждено было Лермонтову пользоваться своею славой и наслаждаться блестящимъ обществомъ столицы. По своему заносчивому характеру, онъ имѣлъ непріятность съ сыномъ Французскаго Посла, которая должна была кончиться дуэлью и, для того чтобы развести соперниковъ, молодаго Баранта отправили въ Парижъ, а Лермонтова опять на Кавказъ, съ переводомъ въ армейскій полкъ. Видно уже такова была его судьба, что не миновалъ ее даже и тамъ гдѣ хотѣли спасти его отъ поединка. Онъ палъ отъ руки пріятеля, который всячески старался избѣжать дуэли, но былъ вынужденъ драться назойливостью самаго Лермонтова, потому что онъ не давалъ ему нигдѣ покоя колкими своими шутками. Розно разсказываютъ причину столь стран-

наго поведенія пылкаго поэта и трудно теперь узнать истину. Мнѣ случилось, въ 1843 году, встрѣтиться въ Кіевѣ съ тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе убить Лермонтова; онъ тамъ исполнялъ возложенную на него эпитимію и не могъ равнодушно говорить объ этомъ поединкѣ; всякій годъ, въ роковой его день, служилъ панихиду по убіенномъ, и довольно странно случилось, что какъ бы нарочно, прислали ему въ тотъ самый день портретъ Лермонтова; это его чрезвычайно взволновало.

Пять лѣтъ послѣ меня, посѣтилъ Египетъ и Святую землю, другой путешественникъ Русскій, А. С. Норовъ; это было тогда большею рѣдкостью, по трудности сообщеній безъ пароходовъ. Его ученое и добросовѣстное путешествіе пріобрѣло ему общее уваженіе; до того времени онъ былъ только извѣстенъ по своей поѣздкѣ въ Сицилію и нѣкоторымъ стихотвореніямъ. Страсть къ ученымъ занятіямъ и къ изученію древнихъ языковъ, были всегда отличительнымъ характеромъ Бородинскаго ветерана, который 16-ти лѣтъ лишился ноги въ этой исполинской битвѣ. Насъ сблизила священная цѣль Палестинскаго странствія и, при изданіи своей книги, Норовъ часто обращался ко мнѣ съ вопросами о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Святаго града, такъ какъ, по свойственной ему разсѣянности, онѣ стирались изъ его памяти. Но утѣшительно было видѣть его благоговѣйное чувство и любовь къ Церкви Восточной, которой старался помогать по мѣрѣ силъ своихъ, особенно въ то время когда имѣлъ болѣе средствъ, сдѣлавшись Министромъ народнаго просвѣщенія. Его любознательности обязаны мы обрѣтеніемъ древняго списка Новаго завѣта на Синаѣ, куда, съ помощію его, отправился ученый профессоръ Нѣмецкій Тишендорфъ.—Почти въ одно время съ Норовымъ, мы были

избраны членами Русской Академіи, гдѣ еще предсѣдательствовалъ тогда маститый 90 лѣтній старецъ А. А. Шишковъ, бывшій Министръ просвѣщенія при Императорѣ Александрѣ, и строгій блюститель Славянскаго слова. Хотя и не былъ блистателенъ составъ Академіи, но при немъ она держалась, а тотчасъ послѣ, когда занялъ президентское кресло новый Министръ просвѣщенія Графъ Уваровъ, замѣчательный по своей учебной администраціи, совершенно неожиданно была закрыта Русская Академія и капиталы ея распредѣлены на другіе предметы. Для меня было весьма грустно внезапное распаденіе сего хранилища Русскаго слова, созданнаго на широкихъ основахъ великою Екатериною, и еще грустнѣе, когда самое зданіе, бывшее нѣкогда подворьемъ Московскихъ Митрополитовъ, перешло въ руки Римской духовной Академіи. Я уже не хотѣлъ болѣе участвовать, какъ почетный общникъ, въ Академіи наукъ, гдѣ образовалось особое отдѣленіе Русскаго языка изъ бывшей нашей Академіи.

У Норова собирался свой небольшой ученый кругъ, когда онъ еще былъ только товарищемъ благочестиваго Министра просвѣщенія Кн. Ширинскаго-Шихматова, который былъ также любитель Русскаго слова и наипаче просвѣщенія духовнаго. Устроивъ у себя церковь въ Министерскомъ домѣ, онъ начерталъ золотыми буквами надъ иконостасомъ: «Господь просвѣщеніе мое», и это дѣйствительно было выраженіемъ его духа, которому наслѣдовалъ и его преемникъ Норовъ. Не пусты оставались у него обширныя Министерскія палаты, ибо къ нему еженедѣльно собирались по вечерамъ всѣ ученыя знаменитости нашей академіи и университета, съ которыми пріятно было тутъ встрѣчаться для назидательной бѣсѣды. Самъ онъ не ка-

зался чуждымъ между ними, по своимъ обширнымъ познаніямъ и любви къ наукѣ. Въ числѣ ея тружениковъ и опытныхъ знатоковъ Русской древности, замѣчательна была личность Надеждина, слишкомъ рано окончившаго дѣятельное свое поприще. Къ сожалѣнію онъ не успѣлъ издать, съ своими учеными замѣтками, любопытный булларій нашихъ средне-вѣковыхъ Митрополитовъ, по ихъ сношеніямъ съ Восточными Патріархами, который былъ имъ найденъ въ Царской библіотеки Вѣны. Дѣятельно занимался Норовъ, какъ Предсѣдатель археологической коммиссіи, изданіемъ нашихъ лѣтописей и актовъ историческихъ, и успѣлъ начать печатаніе великой Чети-минеи Митрополита Макарія, когда настигла его кончина. За три года до нея, хотя и оскудѣвшій силами, еще однажды успѣлъ онъ быть паломникомъ въ Святой землѣ и на Синаѣ; послѣднимъ же отголоскомъ рыцарской его души, почти на смертномъ одрѣ, была его сердечная брошюра, въ защиту своихъ ратныхъ товарищей, Бородинскихъ героевъ. По сему краткому очерку его христіанскаго характера и литературной дѣятельности, можно судить какъ было для меня отрадно короткое знакомство съ Норовымъ, въ ученомъ и домашнемъ его кругу.

Въ 1845 году начались опять мои странствованія по Западу и Востоку и на Кавказѣ, и продолжались, съ нѣкоторыми промежутками, около пяти лѣтъ; цѣлію моею было изучить Римскую Церковь и Англиканскую, Армянскую и Греческую, дабы извлечь для себя и другихъ еще большее увѣреніе въ истинѣ Православія, чрезъ взаимное ихъ сравненіе. А между тѣмъ посѣщалъ я и на Руси отечественную святыню, чтобы описать древнія замѣчательныя наши обители, изъ чего постепенно составилось мое «путешествіе по св. мѣстамъ Русскимъ». Такимъ образомъ

страннический посохъ почти не выходилъ изъ моихъ рукъ, доколѣ не утомился скитальческою жизнью. Тогда я водворился на постоянное жительство въ сѣверной столицѣ, но лѣто проводилъ въ Москвѣ до моего совершеннаго переселенія въ Кіевъ, потому что предпринялъ обширный трудъ отечественной Четиминеи или описанія житій всѣхъ Святыхъ Русскихъ; это меня заняло въ продолженіи другихъ пяти лѣтъ; въ то время мнѣ рѣдко случалось посѣщать новый литературный кругъ, который образовался въ послѣдніе годы, уже оскудѣвшіе великими поэтами, такъ какъ наступила вторая прозаическая половина нашего вѣка.

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Римѣ, который тщательно наблюдалъ я съ одной лишь церковной стороны, и подробно изобразилъ въ моихъ Римскихъ письмахъ, полюбопытствовалъ я видѣть и Англію, такъ какъ она начинала обращаться къ Православію, чрезъ новую секту Пюизеитовъ; представителемъ ея былъ къ намъ посланъ діаконъ Пальмеръ. На обратномъ пути чрезъ Германію, посѣтилъ я, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, уже болящаго Жуковскаго. Тутъ остановился я на два дня единственно для того, чтобы насладиться его обществомъ, какъ бы предчувствуя, что это было въ послѣдній разъ. Погруженный совершенно въ заботы семейныя, онъ самъ какъ бы дѣлался ребенкомъ для своихъ малолѣтнихъ дѣтей, и переводилъ для нихъ съ Нѣмецкаго различныя сказки, «котъ въ большихъ сапогахъ» и другія подобныя, съ обычною своею граціею въ живомъ слогѣ. Отрадно было смотрѣть на этаго поэтическаго старца, угасавшаго во звукахъ своей лиры, на берегахъ любимаго имъ Рейна. Онъ только что окончилъ свой знаменитый переводъ Одиссеи, и мечталъ о Иліадѣ, хотя не зналъ Еллинскаго языка; для этаго пригото-

вилъ себѣ подстрочный переводъ Фоссовой Иліады. Собственная душевная простота влекла его къ патріархальной простотѣ слѣпца Омира, который совершенно пришелся ему по душѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его христіанское чувство, проникнутое глубокою философской думой, въ самыхъ очаровательныхъ формахъ поэзіи, внушило ему послѣднюю чудную поэму «вѣчнаго Жида», гдѣ хотѣлъ онъ изобразить нравственное, религіозное направленіе современной ему эпохи, и это была его лебединая пѣснь. Онъ самъ однако чувствовалъ, что уже угасаетъ, и не хотѣлось ему умереть на чужбинѣ; всѣ его задушевныя думы стремились на родину, но не суждено было исполниться сердечному желанію поэта. Ангелъ смерти тихо закрылъ глаза земному своему собрату, въ странѣ чужой, и унесъ его въ небесное отечество.

Помню, что въ послѣднее мое свиданіе съ Жуковскимъ, письма Гоголя были у него въ рукахъ, и онъ мнѣ совѣтовалъ непремѣнно познакомиться съ авторомъ «Мертвыхъ душъ», который, уже совершенно обратился къ благочестію и былъ проникнутъ высокимъ христіанскимъ чувствомъ. Мнѣ и самому чрезвычайно хотѣлось ближе съ нимъ сойтись, по моему уваженію къ его необычайному таланту; и Гоголь съ своей стороны, предупрежденный въ мою пользу, искалъ со мною знакомства, но намъ не суждено было видѣться. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ у благочестиваго Графа А. П. Толстаго, въ крайнемъ изнеможеніи силъ и чрезвычайномъ напряженіи духа. Однажды, во время моего проѣзда черезъ Москву, Гоголь даже нарочно ко мнѣ пріѣзжалъ для свиданія, но, увидѣвъ много экипажей на дворѣ; не рѣшился взойти въ первый разъ въ домъ, гдѣ ему казалось, что встрѣтитъ много чужихъ, ибо уже страдалъ тою душевною болѣзнію, которая свела его скоро въ мо-

гилу. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени, онъ скончался и, предъ смертію, бросилъ въ пылающій каминъ одно изъ своихъ послѣднихъ произведеній.—Изъ новѣйшихъ поэтовъ, двухъ только изрѣдка встрѣчалъ я въ столицѣ, которые оба также сошли уже съ земнаго поприща: это Бенедиктовъ, лирическою своей поэзіей напоминавшій легкій стихъ Баратынскаго, и Кукольникъ, посвятившій себя отечественной драмѣ. Съ знаменитымъ же авторомъ «Князя Серебрянаго» и великолѣпной трилогіи «Грозный, Θеодоръ и Годуновъ», Графомъ Толстымъ, мнѣ случилось только ѣхать по желѣзной дорогѣ изъ одной столицы въ другую, и вотъ все наше знакомство. Но обратимся къ минувшему, потому что я не хочу забѣгать въ сію вторую, уже не столь поэтическую половину нашего вѣка.

На Кавказѣ поклонился я уединенной могилѣ Грибоѣдова, на горѣ Св. Давида, но мнѣ не пришлось посѣтить могилы Лермонтова на водахъ, въ виду снѣжнаго Эльборуса, котораго заоблачную бѣсѣду съ Шатъ-горою, столь поэтически онъ подслушалъ и передалъ намъ въ чудныхъ стихахъ. Миръ душѣ обоихъ великихъ поэтовъ! Съ однимъ встрѣтился я на зарѣ моей жизни, съ другимъ уже въ знойный ея полдень, но ихъ память доселѣ живетъ въ моемъ сердцѣ. Обоихъ осѣнилъ, безмолвнымъ своимъ величіемъ Кавказъ, на которомъ положили огненное свое клеймо Пушкинъ, Лермонтовъ, и Марлинскій; вдохновенными поэмами и разсказами они еще болѣе его сроднили съ Русскою землею. Въ моемъ описаніи «Грузіи и Арменіи» старался я, и со стороны церковной, ознакомить соотечественниковъ съ этой чудною колыбелью человѣчества, гдѣ прямо, какъ бы изъ ковчега, выходитъ племя Гайканское, а царственный родъ Багратидовъ Грузинскихъ, касается вѣнца Давидова

Послѣ Грузіи устремился я опять на дальній Востокъ, который былъ началомъ моего юношескаго странствія и послѣднею его гранію въ зрѣломъ возрастѣ; тамъ я могъ повѣрить, опытомъ жизни, свѣжія впечатлѣнія молодости.

Мнѣ сопутствовалъ на сей разъ тотъ изъ нашихъ поэтовъ, съ которымъ я встрѣтился въ Москвѣ, при самомъ началѣ моего литературнаго поприща, и который одинъ намъ остался отъ лучшей эпохи нашей поэзіи. Тѣмъ драгоцѣннѣе былъ для меня, въ его лицѣ, отголосокъ минувшаго. Лѣтомъ 1849 года, мы отплыли съ Княземъ П. А. Вяземскимъ, изъ Одессы въ Константинополь, гдѣ онъ хотѣлъ посѣтить сына, служившаго при нашей миссіи, а потомъ Св. землю. Вмѣстѣ съ нимъ мы обозрѣвали древнее родное намъ святилище Св. Софіи и всѣ замѣчательные памятники Царьграда; вмѣстѣ отплыли на Св. гору, но встревоженный бурею онъ возвратился, а я продолжалъ путь мой на Аѳонъ и оттолѣ вторично въ Іерусалимъ, что все описано въ моихъ «письмахъ съ Востока». По возвращеніи въ Константинополь, я тамъ еще нашелъ Князя и опять, вмѣстѣ съ нимъ, мы представлялись Султану. Такимъ образомъ гораздо болѣе сблизились мы на чужбинѣ нежели въ родной землѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, потому что, по возвращеніи въ Петербургъ, уже рѣдко встрѣчались. Еще однажды, и въ послѣдній разъ, я увидалъ Князя, въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ для Русскаго сердца, и это свиданіе глубоко напечатлѣлось въ моемъ сердцѣ.

Была полночь, мертвая тишина царствовала въ Петропавловскомъ соборѣ крѣпости; слышалось только тихое, монотонное чтеніе Евангелія, предъ гробовымъ катафалкомъ, который одинъ лишь ярко горѣлъ множествомъ огней посреди всеобщаго мрака. Облакомъ курился ѳиміамъ изъ

подъ завѣсъ роскошнаго балдахина, одиноко стоявшаго на рединѣ собора, какъ оазисъ въ пустынѣ. Подъ сѣнію его хранилось сокровище всей земли Русской, предметъ общаго ея плача. Чины придворные, въ траурной одеждѣ, смѣняли другъ друга въ урочные часы, на ступеняхъ катафалка. Отъ жара пылающихъ свѣчь, отъ скопленія ароматовъ подъ завѣсами балдахина, мнѣ сдѣлалось дурно такъ, что я долженъ былъ удалиться. Когда же сходилъ со ступеней, медленно подымался на нихъ престарѣлый Князь Вяземскій. Запоздавшій поэтъ лучшей эпохи отечественной поэзіи, идущій на ночную стражу къ тому гробу, гдѣ , во всей юношеской красѣ, лежала измѣнившая намъ надежда Руси:— какое знаменательное сближеніе, и сколько высокихъ думъ могло оно возбудить въ сердцѣ! «Sic transit gloria mundi»!

Теперь, когда въ мирномъ уединеніи Кіева, возстаютъ передо мною образы минувшаго и, какъ тѣни, одна за другою, скользятъ уже отжившіе лики,—воспоминаніе сердечное жаждетъ уловить ихъ, хотя на краткій мигъ, и съ любовію останавливается на тѣхъ, которые еще живы. Древній пѣвецъ Ирана, Саади, и нашъ родной Пушкинъ, не оба-ли задумывались о быломъ, надъ живыми струями освѣжавшаго ихъ фонтана? И я въ свою чреду, при воспоминаніи о тѣхъ, которые въ теченіи многихъ лѣтъ, приходили черпать вдохновеніе въ Кастальскихъ струяхъ нашего Геликона, могу повторить здѣсь звучный стихъ Саади, избранный и нашимъ поэтомъ какъ эпиграфъ для его Бакчисарайскаго фонтана: «и я, подобно другимъ, посѣтилъ отрадный фонтанъ сей; но иныхъ уже нѣтъ, а другіе странствуютъ далеко».

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Nov-Dec 1987
We're Quality Bound